

Правоведение

УДК 347.61

И.И. Аминов, К.Г. Дедюхин, А.Р. Усиевич

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ УДМУРТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Раскрываются особенности правового регулирования семейно-брачных отношений в удмуртской общности в имперский период развития российского государства (начало XVIII – начало XX в.). Исследуются исторические и литературные, научные источники, архивные и статистические данные, свидетельствующие о сложившихся в то время обычаях регулирования семейно-брачных отношений, сохранявшихся у удмуртов долгое время. Анализируются труды, в которых акцентируется внимание на наличии в обычаях удмуртов того времени пережитков родовых отношений, рассматриваются средства самовыражения ментально-этнического самосознания и специфики религиозно-духовной жизни удмуртов, во многом продиктованные жесткой социально-экономической необходимостью. Рассматриваются правовые основы семейно-брачных отношений в указанный исторический период, их этнические и ментально-культурные особенности. Отмечается существовавшее в то время регулирование семейно-брачных отношений преимущественно на основе норм обычного общинного права, которое нередко вступало в противоречие с законодательством Российской империи и каноническим правом. Раскрывается обусловленность регулирования семейно-брачных отношений обычным правом наряду с официальным законодательством Российской империи и каноническим правом.

Делаются обоснованные выводы, что исследование правового статуса семьи и ее членов в различные исторические периоды может служить источником для изучения дальнейших процессов развития общественных институтов удмуртского социума.

Ключевые слова: семейно-брачные отношения, сельская община, обычное право, общинные нормы и традиции, национально-этнические обряды, правовой статус семьи и ее членов.

Исследование правовых основ семейно-брачных отношений, их этнических и ментально-культурных особенностей, правового статуса семьи и ее членов в различные исторические периоды может служить источником для изучения процессов развития общественных институтов удмуртского социума, позволяет получить адекватное представление об особенностях социальной жизни удмуртского народа и его поступательном движении к своей государственности.

Кроме того, развитие современного семейного законодательства нельзя рассматривать в отрыве от правового регулирования семейно-брачных отношений в их исторической ретроспективе под влиянием тех или иных политических, государственно-правовых, социально-экономических, географических, природно-климатических, национально-культурных и иных условий и факторов.

Само понятие «семейно-брачные отношения» означает комплекс социальных отношений, отражающий формы семьи и формы брака. Издревле семейно-брачные отношения у удмуртов регулировались обычным правом – неписаными народными обычаями, традициями, установлениями, моральными установками, основанными на мифологическом, этнорелигиозном, языческом мировоззрении. Они подвергались влиянию культур соседних с ними народов, в том числе русских, татар, марийцев, башкир.

Присоединение удмуртских земель к Русскому государству началось в XV в. с североудмуртских территорий и полностью завершилось после завоевания царем Иваном Грозным Казани (1552 г.), когда южные удмурты вошли в состав Российского царства и все группы удмуртского этноса оказались в рамках единого государства (1557–1558 гг.). К этому времени удмурты уже в течение многих веков жили в условиях разложения родоплеменных отношений и функционирования сельской общины, происходящих неравномерно в северных и южных удмуртских землях.

Наличие обычного права у удмуртов являлось следствием жизнедеятельности самодостаточной сельской общины и выражало самоуправленческий характер крестьянской общинной жизни, кровнородственную зависимость удмуртов от природного и социального окружения.

Удмуртская поземельная соседская община (удм. *бускель*), основная социальная ячейка традиционного удмуртского общества, представляла собой сообщество семейных коллективов селения. Внутри общины каждый человек должен был подчиняться установлениям и обычаям сельского мира,

которые полностью регулировали организационно-статусное и социально-экономическое состояние семьи, обеспечивали духовную защищенность перед силами природы [28].

Все необходимые институты регулирования жизнедеятельности находились под управлением общинных органов власти. Главным из них был общинный сход домохозяев – *кенеш*, который в удмуртских деревнях выполнял также функции основного фактического судебного института, куда, как и на сход, по особо важным вопросам созывались все домохозяева. Община–*бускель* была важнейшим институтом реализации норм обычного права, юридических воззрений и представлений крестьян удмуртской деревни [1].

При общем преобладании малых семей сохранялись большие неразделенные семьи. Семья, входившая в общину, жила на одной усадьбе, имела общее имущество, земельный надел, вела совместное хозяйство. Отделившиеся от семьи родственники, как правило, селились по соседству, образуя родственные гнезда (*боляк, иськавын*). При этом некоторые элементы общего хозяйства, а также родственная и соседская взаимопомощь (*веме*) сохранялись. Община веками вырабатывала семейно-брачные обычаи и являлась их охранительницей, в том числе путем прямого вмешательства в жизнь семьи с применением экономических и административно-правовых мер.

Для удмуртов, как и для любого аграрно-общинного социума, семья была абсолютной ценностью. В семье происходило воспроизводство самой жизни и создавались материальные условия, обеспечивающие ее существование [8]. Удмуртская семья воспроизводила структуру сельской общины, что выражалось в соответствующих формах взаимоотношений с существовавшей иерархией по возрасту, полу, семейному положению.

Традиционно удмурты в системе социальных ценностей отводили важное место семейно-родственным связям. Как пишет профессор В.Г. Крысько, «...в семейном быту они необыкновенно уживчивы и ради семейного благополучия приносят в жертву свои личные интересы, терпят известное подчинение, лишают себя в некотором роде самостоятельности. Именно от этого, считают они, во многом зависят общая атмосфера жизни, успех в хозяйственной и прочей совместной деятельности. По этой причине у них никогда не было в чести нищенство и попрошайничество. Удмурты чрезвычайно дорожат своей репутацией среди родственников, односельчан, соплеменников. Очень многое, по их мнению, зависит от того, “что говорят другие”, “что сказали”, “что подумают”. <...> У них высокая культура межличностных отношений. Издревле самым тяжким преступлением считалось инициирование вражды и ссор» [17].

Общинные семейно-брачные обычаи устанавливали условия и порядок заключения брака среди удмуртов [5; 6; 18; 22; 27], причины его расторжения, взаимоотношения супругов, традиции воспитания детей [37].

Неженатый мужчина не мог быть полноценным представителем удмуртской сельской общины. Жрецом выбирали только женатого мужчину, так как он мог провести обряд жертвоприношения только совместно с женой. От наличия жены напрямую зависело количество работников в семье, умножавшееся с рождением детей. Поэтому семья, в которой подрастали дети мужского пола, была всеерьез озабочена подысканием невест, чтобы гарантировать возникновение новой супружеской пары.

В документах XVII в. зафиксирован сложившийся у северных удмуртов обычай закрепления за женихом сразу нескольких невест (*свестей*) [29. Ф. 131. Д. 1. Л. 18, 72]. Обычай их «явочного» закрепления был продиктован имевшим место в удмуртской среде острым дефицитом невест. Так, согласно переписи 1716 г., в селениях, расположенных по Арской дороге, мужчины наиболее активного брачного возраста составляли 34 % населения, а женщины – 21,3 %, то есть удельный вес женщин оказался на 12,7 % меньше [9]. Поэтому родители мальчика стремились заранее вступить в брачный сговор с семьей будущей невестки. С учетом возможных непредвиденных обстоятельств подобный договор заключался еще и с другой семьей или даже с несколькими семьями. Затем жених писал на имя царя официальную «явку» на невесту и оформлял ее с уплатой соответствующих «явочных» денег. Подобная практика заключения брачных договоров, сложившаяся на основе обычного права, гарантировала создание новой семьи. Обработка сведений переписи 1716–1717 гг. показала, что в браке состояло 76,7% удмуртского населения старше 15 лет [10].

Однако и такая, казалось бы, десятилетиями налаженная система «явок» и «свестей» давала сбои. Срок ожидания ответа от момента подачи явки до получения разрешения властей на брак мог составлять год и более. Длительная бюрократическая волокита порой приводила к тому, что невесту уводил другой жених, и несостоявшийся муж был вынужден обращаться к московскому сыщику за

восстановлением справедливости [29. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Л. 18]. Были случаи, когда сам жених, в силу разных причин, отказывался от заявленной им невесты. И тогда вопрос решался либо миром, то есть уплатой отцу невесты отступного, либо обращением семьи невесты к властям с жалобой на обидчика [29. Ф. 131. Д. 1. Л. 72.].

В этнографическом очерке известного российского историка-краеведа XIX в. В.С. Кошурникова и в исследовании советского историка, профессора Московского университета М.О. Косвена (1885–1967) раскрываются семейные статусы мужчины как главы удмуртской семьи, мужа, отца, общинника, представителя дворохозяйства, земледельца, добытчика, а также женщины – матери, хозяйки, жены-помощницы мужа, имевшей равноправное положение с главой семьи в различных областях жизни и быта [15; 16].

Семья возглавлялась ее главой (большаком), роль которого не обязательно принадлежала самому старшему в семье: это мог быть сын главы семьи или другой мужчина, отличавшийся сноровкой и сметливостью. Глава семьи беспрекословно распоряжался не только ведением хозяйства, но и судьбой ее членов: принимал решение о выделе женатых сыновей, об отдаче в рекруты, отдавал детей в работу на длительное время, иногда пожизненно, за семейные долги, выдавал дочерей замуж и т. д. Авторитет старшего, безоговорочное подчинение ему были правилом существования удмуртской семьи, исключения из которого встречались редко [8].

Традиционно в семейных отношениях у удмуртов многое решал семейный совет, поэтому власть большака и большухи не возрастала до деспотизма. По сведениям российского историка и этнографа И.Н. Смирнова (1856–1904), глава семейства сохранял старшинство до тех пор, пока управлял семьей согласно с ее интересами и сам работал впереди всех. Как только он начинал растрачивать семейное достояние или лениться, его сменяли [34].

Говоря о статусе женщины и жены в удмуртской семье, М.О. Косвен отмечал, что удмуртская женщина «с изумительной стойкостью сумела сохранить свое равноправие и независимое положение в различных областях жизни и быта, она никогда не знала приниженного и полурабского состояния» [15].

Однако равноправие женщины в удмуртской общине было все же ограниченным. В семье она была равноправным работником. Ее авторитет в глазах общности повышался с рождением ребенка, так как дети считались главной ценностью семьи [28]. Женщина зачастую становилась равноправной с мужчиной в празднично-обрядовой сфере жизни, но в личных отношениях оказывалась зависимой от мужа: только муж имел право на развод. Она была отстранена от участия в жизни общины и не допускалась на общинные сходы [26].

Необходимо особо подчеркнуть, что к началу XVIII в. удмуртский этнос выработал систему нравственных законов-обычаев, представлявших собой традиционные удмуртские предписания «нельзя», «можно», «нужно», соответствующие ментально-психологическим характеристикам удмуртов и социально-экономическим запросам их общинной жизнедеятельности. Моральные принципы реализовывались через нормы и стереотипные формы поведения в обществе, которые формулировались в виде «нужно делать так, потому что иначе неприлично» или «нужно быть как все, не отличаться от остальных людей» [24]. Невыделяемость статуса индивида в общинном правосознании проявлялась в том, что отдельный человек как бы растворялся в среде односельчан. Главным принципом жизни человека в общине становились слова «Будь как люди, в одном ряду с другими» («*Йӧскадь лу, калык радын ветлы*»); «Будь как люди (народ)! Будь как все!» («*Йӧскадь лу!*») [26].

Широкое распространение в регулировании семейно-брачных отношений у удмуртов получила табуация (избегание, запрет). Существовал запрет на вступление в брак лицам, состоящим в определенной степени родства, так как в удмуртском обществе, разделенном на родовые группы, имела место строгая экзогамия [12]. А поскольку по соседству селились родственники, с которыми запрещалось вступать в брачные отношения, невесту чаще искали в другой деревне, руководствуясь правилом: «*Чынзы медаз сурастькы*», то есть «Чтобы дым из печных труб жениха и невесты не смешивался» [37].

Довольно распространенным и долгое время сохраняемым обычаем у удмуртов был увоз (похищение) невест [21], что также, по мнению И.Н. Смирнова, было связано с экзогамией [34].

С вхождением удмуртов в состав России традиционное регулирование их семейно-брачных отношений обычным правом должно было уступить требованиям закона российского государства. При этом при всех преимуществах официального законодательства, таких как упорядоченность и конкретность, перед неписаными народными обычаями в нем было немало различных неясностей и противоречий. В то же время процесс оформления законодательства в Российском государстве про-

исходил не без определенного влияния обычного права [2]. К тому же в некоторых случаях в волостном судопроизводстве допускалось применение местных юридических обычаев [11].

Исторические и литературные источники, архивные и статистические данные, свидетельствуют, что сложившиеся в силу разных причин обычаи регулирования семейно-брачных отношений сохранялись у удмуртов долгое время. Некоторые из обычаев отражали пережитки еще родовых отношений, другие были средством самовыражения ментально-этнического самосознания и специфики религиозно-духовной жизни удмуртов, третьи диктовались жесткой социально-экономической необходимостью.

Как земледельцы, удмурты были заинтересованы в увеличении семьи, в приобретении подобным образом рабочей силы, которая могла быть представлена, в том числе в лице здоровой, взрослой, физически крепкой невестки-работницы. С учетом производственно-хозяйственной необходимости старый удмуртский обычай предписывал женить малолетних мальчиков на взрослых девушках [21].

На основе фактических данных переписных книг конца XVII в. вятский краевед, доктор исторических наук П.Н. Луппов (1867–1949) сделал вывод о том, что в местах проживания северных удмуртов 46 % лиц мужского пола в возрасте от двенадцати до семнадцати лет были женаты. Были зарегистрированы случаи брака восьмилетних мальчиков, а более половины мужской части населения составляли дети до одиннадцати лет [19]. Понятно, что такие браки были вызваны экономическими причинами и представляли собой исключительно имущественно-производственные союзы.

Несмотря на то, что Петр I специальным указом о единонаследии 1714 г. повысил брачный возраст для мужчин до 20 лет, в удмуртских общинах продолжали вступать в брак в более раннем возрасте. И хотя впоследствии брачный возраст для мужчин был снижен, однако он все равно зачастую превышал реальный возраст некоторых женихов. Последствием таких неравных браков, как правило, становилось снохачество, то есть сожителство свекра с невесткой (снохой) [21].

В 1731 г., в период правления императрицы Анны Иоановны, началось массовое обращение удмуртов в христианство, в результате чего традиции, обряды и обычаи удмуртов, формализующие и закрепляющие, в том числе, семейно-брачные отношения, подверглись сильному воздействию канонического права [31]. В то же время в первые десятилетия просвещения христианской верой удмурты продолжали женить сыновей от 8 до 12 лет на 20-летних девушках, что видно из указа Вятской духовной консистории № 178 от 22 февраля 1757 г. Этим Указом воспрещались такие обычаи, поскольку могли привести к кровосмешению свекра со своими снохами [4]. С точки зрения православной церкви снохачество представляло собой кровосмешение (инцест) не по родству, а по свойству и осуждалось как грех.

Несмотря на проповеди духовенства и запрещение таких браков законом, обычай женить малолетних мальчиков на взрослых невестах вплоть до конца XIX – начала XX в. держался среди удмуртов, которые «усердно домогались дозволения их подарками и обманом, скрывая возраст брачующихся и т. д.» [21].

В традиционном брачно-семейном укладе удмуртов имели место и другие обычаи, вступающие в противоречие с официальным законодательством и каноническим правом.

По сведениям переписи 1716 г., у южных удмуртов достаточно часто встречалось двоеженство, которое не считалось предосудительным в глазах общины [29. Ф. 350. Оп.1. Д.1061/ каз.142. Л. 328 об.].

В работе немецкого ученого Д. Г. Месершмидта (1685–1735), проезжавшего в декабре 1726 г. из Сибири в Санкт-Петербург по территории расселения северных удмуртов, отмечено, что в семейных отношениях, по его мнению, мужчины были склонны к полигамии (многоженству), если считали себя способными прокормить двух, трех и более жен [25].

В начале XIX в. по удмуртскому северу проехал другой немецкий ученый и врач И.Ф. Эрдман (1778–1846), написавший о своих наблюдениях книгу «Путешествие по Вятской губернии летом 1816 года». Он также обратил внимание на то, что у удмуртов «допускается многоженство» [14].

Переводчик путевых записок И.Ф. Эрдмана С.К. Кузнецов в 1892 г. дал свое примечание о том, что хотя и не часто, но многоженство можно наблюдать у вотяков до сих пор¹. «Мне лично известны некоторые примеры многоженства вотяков в Малмыжском и Казанском уездах (т. е. у южных удмуртов)» [14].

¹ Вотяки – устаревшее название удмуртов (по реке Вятке), употреблявшееся в Российской империи. В настоящее время считается некорректным.

В энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, вышедшей в конце XIX в., автор статьи «Вотяки», русский исследователь обычного права П.А. Матвеев писал, что «у вотяков до сих пор сохранились остатки коммунальных браков: определение родства по женской линии, различные виды гетеризма и полная свобода половых отношений для девушки до брака. Девушка, имевшая до брака нескольких детей, считается особенно завидной невестой и пользуется почетом за свою способность к деторождению. После выхода замуж вотячки становятся верными женами...» Многие исследователи быта вотяков свидетельствуют об обычае гостеприимного гетеризма» [21].

Знаменитый российский историограф Г.Ф. Миллер (1705–1785), путешествовавший среди удмуртов и марийцев в XVIII в., также описал случаи многоженства [23]. Кроме того, он отмечал, что «токмо есть у них обыкновенно, что оставшуюся по смерти большого брата во вдовстве жену берет за себя меньшей брат, но большому брату в таком же случае того делать не позволено. Они особливо любят жениться на двух или трех сестрах поодиночке. В Казанском уезде Вотяцкий сотник, именем Кашерка, женился, хотя не по правилам, однако в одно время на двух сестрах, которые и поныне живут с ним» [23]. То есть здесь речь идет о брачных обычаях – левирате и сорорате, являющихся прямым следствием норм группового брака. В случае левирата вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь – с его братьями. При сорорате, представляющем форму полигамии, мужчина одновременно вступал в брак с двумя или более сестрами.

И.Н. Смирнов, раскрывая внутрисемейные отношения удмуртов, также констатировал наличие в традиционном удмуртском обществе левиратных и сороратных браков [34].

Кроме того, наличие в удмуртской среде отдельных архаичных элементов группового брака выражалось, как показал И.Н. Смирнов, в частности, и в относительной свободе добрачных отношений, которая существовала в удмуртской сельской общине вплоть до начала XX в. Аргументируя это утверждение, он в своей монографии «Вотяки» (1890 г.) писал: «Все наблюдатели вотского быта единогласно свидетельствуют, что девушки пользуются у вотяков безграничной свободой в своих отношениях с мужчинами. “Парень девушку не любит, – говорит вотская пословица, – бог не любит”. В силу такого рассуждения родители игнорируют поведение дочерей, а жених не только мало заботится о девственности невесты, но, как утверждают некоторые наблюдатели, бывает даже в претензии на невесту, которая сохранила ее... Если последствием внебрачной любви является беременность, девушка не теряет, а выигрывает в общественном мнении, она получает массу предложений от женихов, так как дала доказательство способности производить детей... Такая невеста ценилась тем дороже, чем больше раз она родила, особенно если родившиеся были мальчики и жили долгое время. Такую дочь родители долго не выдавали замуж и говорили сватам: “Она у нас и сама хорошая работница, и работников в дом достаточно дала и без мужа”» [35]. Такую свободу И.Н. Смирнов связывал, прежде всего, с сохраняющимися пережитками языческого мифологического мировоззрения удмуртов, которые верили в глубокую связь человека с природой и считали, что интенсивная сексуальная деятельность в период роста, цветения и созревания хлебных посевов является магическим средством, способствующим плодородию земли и урожаю хлебов [35].

И.Н. Смирнов полагал, что отдельные пережитки группового брака у удмуртов имеют устойчивость к сохранению на ментальном уровне. Исследуя в конце XIX в. номенклатуру (наименования) родства у удмуртов, он обратил внимание на то, что в удмуртском языке различались не кровные связи, а возраст членов семьи и общины. Как следовало из названий родства, члены семьи различались между собою не по кровной близости, а по отношениям возраста, что было характерно для древнейших форм семейно-брачных отношений, а именно группового брака, возникшего еще в дородовом обществе.

К концу XIX в. в удмуртском языке еще не сложилось слов, которые обозначали бы кровные отношения между людьми, происходившими от одних известных родителей (брат, сестра, дядя, племянник и т. д.). Язык давал выражения для группирования членов семьи по возрастам. Так, слова «нюня» и «агай» означали вообще мужчину старшего по возрасту – будь то по русской терминологии старший племянник, старший брат, дядя и в некоторых случаях даже отец; слово «вын» означало мужчину, младшего по возрасту – младшего брата, младшего племянника; «апай» и «акай» – женщину, старшую по возрасту – старшую сестру, тетку, старшую племянницу; «сузэр» – женщину моложе по возрасту – младшую сестру, младшую племянницу [35].

Эти особенности удмуртского языка подтверждал и другой российский историк и этнограф Н.Я. Марр (1865–1934), отметивший отсутствие в удмуртском языке терминов «сын» и «дочь», вместо которых употреблялись названия с более общим значением – «мальчик» («*ни*») и «девочка»

(«*ныл*»). А вместо общего, отвлеченного понятия «дети» в удмуртском языке употреблялись сложные термины «*ныл-пи*» и «*пинал*».

Проанализировав таблицу родства у удмуртов и сопоставив ее с реальными семейно-родственными статусами членов удмуртской семьи, И.Н. Смирнов сделал вывод, что в целом эти пережитки семейно-брачных отношений остались к концу XIX в. скорее в языке, чем в укладе жизни удмуртской сельской общины. Он писал: «Вотская терминология родства вводит нас в такой мир, где лицо, пытающееся определить свои отношения к окружающим мужчинам и женщинам, видит только различие в возрастах и не выделяет из среды их таких, с которыми чувствовало бы себя связанным ближайшим образом, в силу происхождения от одних родителей, мало того, – не в состоянии даже выделить из числа мужчин старше себя такого, которого могло бы назвать родителем... Было бы громадной ошибкой думать, что вотяки находятся в таком состоянии теперь. Современный семейный строй вотский ничем не отличается от русского, но терминология родства находится в коренном противоречии с ним...» [35].

Российский и советский историк М.Г. Худяков (1894–1936) в своей статье «Пережитки группового брака и матриархата в Поволжье (у мари и удмуртов)» объяснял живучесть архаичных семейно-брачных обычаев удмуртов религиозными представлениями аграрных культов и магией плодородия, а также социально-экономической отсталостью тогдашней удмуртской деревни. Вместе с тем эта форма пережитков продолжала существовать наряду и бок о бок с моногамной семьей [38].

В семье как микроячейке общества наиболее традиционно-устойчиво сохранялись многие явления культурно-обрядовой жизни удмуртов, в том числе и юридического содержания, важное место среди которых для семьи играло оформление брачных отношений по обычно-правовым нормам [1]. Как уже было сказано выше, несмотря на принятое христианское вероисповедание, удмурты при заключении браков зачастую продолжали руководствоваться обычным правом, а не церковными нормами, которые в данном случае полностью совпадали с государственными узаконениями. В связи с этим можно обратить внимание на роль общины в заключении браков. Само исполнение свадебных семейных обрядов в принципе представляло собой единый, нормированный, строго соблюдаемый регламент, где каждый участник знал свое место и роль в совершении действия и был неправ, если нарушал. Факт совершения обряда свадьбы у удмуртов, где участвовал практически весь круг родственников, для новокрещенных удмуртов уже сам по себе без православного венчания являлся признанием брака со стороны общества. Т.А. Васина, исследуя удмуртскую православную сельскую семью конца XVIII в. на основании анализа духовной росписи 1795 г., делает вывод о низком коэффициенте брачности среди новокрещенных удмуртов в конце XVIII в. Имеются в виду браки, освященные церковным венчанием [3]. Однако и в конце XIX – начале XX в. православное приходское духовенство продолжало бороться в удмуртской среде с браками, не освященными церковью. Уклонение удмуртов от венчания, как правило, было вызвано тем, что за церковный обряд необходимо было платить [20], хотя это и противоречило распоряжениям епархиального начальства 1890 г.: венчать «внебрачно сожительствующие пары без всякой притязательности в отношении платы и даже бесплатно». Некоторые священники к тому же требовали перед венчанием покрытия всех долгов за все предыдущие требы [30. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1329. Л. 118].

Заключению брака иногда препятствовала поэтапная выплата женихом выкупа за невесту, в то время как венчание назначалось после полного погашения выкупа, который составлял от 3 до 15 рублей [13]. Кроме того, препятствием для церковного освящения брака нередко являлось то, что вступающие в брак еще не достигли брачного восемнадцатилетнего возраста.

Духовенство же усматривало причину не освященного православной церковью, а следовательно, «внебрачного сожития», в приверженности удмуртов старой вере [7]. Браки, согласно языческому укладу их быта, совершались по общепринятому обычаю: невеста проживает некоторое время со своим женихом, а потом они уже венчаются в церкви. При таком взгляде на брак венчание совершается после рождения невестою «дитяти или же в периоде беременности». При этом внебрачное соительство молодых людей опиралось на племенной обычай «брать невесту в дом для испытания ее характера и способности к деторождению» [30. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1329. Л. 117-118; 39]. Такие семьи ставились духовенством на «увещевание» дабы склонить их к венчанию, после которого на них накладывалась епитимья за незаконное соительство.

Таким образом, у удмуртов после их вхождения в состав России регулирование семейно-брачных отношений происходило преимущественно на основе норм обычного общинного права, которое нередко вступало в противоречие с законодательством Российской империи и каноническим правом.

Удмуртская семья традиционно находилась в состоянии крайней зависимости от общинных отношений в хозяйственной и обрядовой жизни.

Семейно-брачные отношения у удмуртов, существовавшие в контексте сельской общины, были в первую очередь подчинены определенной необходимости обеспечить функционирование крестьянского двора как хозяйственной единицы и сельского производства.

Морально-правовые воззрения общинников на семью и брак не оставались неизменными, а видоизменялись согласно логике здравого смысла и в соответствии с переменами в социально-экономической жизнедеятельности удмуртов. Вместе с тем в условиях относительной замкнутости удмуртской общины не менялся сам принцип регулирования норм поведения и форм общения общинников на основе обычного права.

Использование в удмуртской среде норм обычного права в регулировании семейно-брачных отношений и сохранение отдельных семейно-брачных пережитков имели место на протяжении XVIII–XX столетий, вплоть до начала советского периода в истории Российского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998.
2. Александров В.А. Обычное право в России в отечественной науке XIX–начала XX вв. // Вопросы истории. 1981. № 11. С. 55.
3. Васина Т.А. Удмуртская православная сельская семья в конце XVIII века (анализ духовной росписи 1795 г. // Вестн. Самар гос. ун-та. 2009. № 7 (73). С. 23.
4. Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Собрание сочинений. Т. 2. Ижевск, 1996.
5. Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края. СПб., 1886.
6. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007.
7. Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 193. Д. 24. Л. 17.
8. Гришкина М.В. Семья как хозяйственная единица и транслятор нравственных ценностей удмуртского крестьянства (XVII–первая половина XIX в.) // Вестн. удм. ун-та. 2010. Вып. 3. С. 32.
9. Гришкина М.В. Семья у удмуртского и русского крестьянского населения Удмуртии в XII–первой четверти XVIII в. // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII– первой половине XIX в. Ижевск, 1981. С. 80.
10. Гришкина М.В., Берестова Е.М. Колонизационные процессы расселения этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XV – первой половине XVIII века. Ижевск, 2006. С. 72.
11. Ефремов А.В. Обычно-правовая характеристика взаимоотношений в марийской крестьянской семье XVIII–XIX вв. // Семья, брак и родительство в современной России / отв. ред Т.В. Пушкарева, М.Н. Швецова, К.Б. Зуев. М.: Когито-Центр, 2014.
12. Загребин А. Е. Финны об удмуртах. Ижевск, 1999.
13. Зеленин Д. (Д.З.) Язычество в Вятской губернии за 1898 // Жизнь. 1900. Т. XII. С. 401.
14. Иоганна Фридриха Эрдмана путешествие по Вятской губернии летом 1816 года // Памятники Отечества / пер. с нем. С.К. Кузнецова. 1995. № 1–2. С. 17.
15. Косвен М.О. Распад родового строя у удмуртов // Ученые записки Научно-исследовательского института народов Сов. Востока при ЦИК СССР. На удмуртские темы. Вып. II. М., 1931. С. 5-35.
16. Кошурников В.С. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Этнографический очерк. Казань, 1880.
17. Крысько В.Г. Этническая психология. М.: Академия, 2008.
18. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, в 1768 и 1769 году. Ч. 1. СПб., 1771.
19. Луппов П.Н. Северные удмурты в конце XVII века (Опыт изучения переписной книги 1678 г.). Вятка, 1934.
20. Макурина В.В. Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность. Ижевск, 2013.
21. Матвеев П. А. Вотяки // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. URL: <http://old.museum-murom.ru.swtest.ru/page.html?pid=216> (дата обращения: 11.03.2015).
22. Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии. СПб., 1756.
23. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. URL: <http://сувары.рф/ru/book/export/html/715> (дата обращения: 10.03.2015).
24. Назмутдинова И.К. Семейный этикет в системе традиционной и современной культуры удмуртов: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2013.
25. Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта : дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск: Удмуртия, 2001.
26. Никитина Э.В. Этноменталитет удмуртов. URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etno mentalitet_udmurtov_e_v_nikitina/ (дата обращения: 10.03. 2015).

27. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773.
28. Петров А.Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. Ижевск: Удмуртия, 2002. С. 77.
29. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
30. Российский государственный исторический архив (РГИА).
31. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985.
32. Российское законодательство X–XX веков в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985.
33. Свод законов Российской империи: Законы гражданские. Т. X, ч.1. СПб., 1916.
34. Смирнов И.Н. Вотяки: монография. Казань, 1890.
35. Смирнов И.Н. Вотяки // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете». 1890. Т. VIII. С. 132-133.
36. Тезяков Н.И. Вотяки Большегондырской волости. Чернигов, 1892.
37. Христолюбова Л.С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск, 1984.
38. Худяков М. Г. Пережитки группового брака и матриархата в Поволжье (у мари и удмуртов). М.; Л. 1936.
39. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 265. Оп. 1. Д. 162. Л. 130.

Поступила в редакцию 23.05.15

I.I. Aminov, K.G. Dedyukhin, A.R. Usievich

LEGAL REGULATION OF FAMILY AND MARITAL RELATIONS IN UDMURT COMMUNITY DURING THE PERIOD OF RUSSIAN EMPIRE

This article discusses the features of legal regulation of family and marital relations in the Udmurt community during the imperial period of Russian state (the beginning of XVIII-the beginning of XX centuries). The authors explore the historic, literary and scientific sources, archival and statistical data on the customs related to the regulation of family and marital relations at that time in Udmurtia. The authors analyze writings which focus on the fact that among customs of Udmurts of that time there were remnants of pre-clannish relations; they also consider methods of self-expression of mental-ethnic identity and specific of religious and spiritual life of the Udmurts, largely dictated by the harsh social and economic necessity. The authors discuss the legal basis of family relations during this historical period, their ethnic and mental-cultural characteristics. It is noted that at that time family relations were largely regulated by customary rules of Community law, which was often in conflict with the laws of the Russian empire and canon law. The authors justify the way of regulation of family relations in accordance with customary law together with the official law of the Russian empire and canon law.

It is concluded that the investigation of legal status of the family and its members in different historical periods can serve as a source for the investigation of further development of public institutions on Udmurt society.

Keywords: family and marital relations, rural community, customary laws, community norms and traditions, national and ethnic rites, legal status of the family and its members.

Аминов Илья Исакович,
кандидат юридических наук, зам. зав. кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: aminovii@mail.ru

Aminov I.I.,
Candidate of Law, deputy Head of the Department of Criminology and Penitentiary
Moscow State Law University (MSLA)
123995, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya st., 9
E-mail: aminovii@mail.ru

Дедюхин Константин Георгиевич,
кандидат юридических наук, заместитель директора
Усиевич Алла Рэмовна,
кандидат юридических наук, директор

Dedyukhin K.G.,
Candidate of Law, deputy director
Usievich A.R.,
Candidate of Law, Associate Professor, Director

Ижевский юридический институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации»
426052, Россия, г. Ижевск, ул. Заречное шоссе, 23
E-mail: iji-mail@mail.ru

Izhevsk Law Institute (branch)
Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation
426052, Russia, Izhevsk, Zarechnoe shosse st., 23
E-mail: iji-mail@mail.ru